

Стоявшая перед ним «Хань Кэ» тоже не была настоящей Хань Кэ. Вернее, именно она и была по-настоящему одержимой.

А та, что буйствовала внизу, — всего лишь бумажная кукла.

«Хань Кэ» рассмеялась — мягко, сладко. Сделала шаг вперёд, стройная и грациозная, изящным жестом повела рукой — до того красиво, что дух захватывало.

— Милый студент, как вы меня раскусили?

— Ты сама мне подсказала, — невозмутимо ответил Чэнь Ян, незаметно шагнув в сторону — ближе к картине.

«Хань Кэ» подняла руку, прикрыв нижнюю часть лица, словно длинным рукавом. Уголки губ чуть изогнулись, глаза блеснули кокетливо.

— Образованный студент — это всё-таки другое дело... Когда и где я допустила промах?

Чэнь Ян вдруг произнёс:

— Сяо Фэньюй.

Взгляд «Хань Кэ» резко изменился. Вся томность исчезла, и её мгновенно сменила ледяная злоба.

— Откуда ты знаешь?

Чэнь Ян указал на подпись в углу картины, висевшей неподалёку:

— Хань Кэ говорит, что когда подобрала этот лист бумаги, он был чистым. Но теперь на нём портрет, а в подписи стоит имя — Сяо Фэньюй. Я предположил, что художник — ты, модель — тоже ты. Значит, тебя зовут Сяо Фэньюй.

— Правильно угадал.

«Хань Кэ» прошлась туда-сюда по комнате, не сводя глаз с Чэнь Яна. Выражение лица у неё было живым, чарующим — манящая женственность, которая никак не могла принадлежать настоящей Хань Кэ. А это значило одно: призрак уже почти завладел её судьбой.

Вот почему сейчас она с таким удовольствием позволяла Чэнь Яну тянуть время — она чувствовала себя в полной безопасности.

Дверь заперта. Внизу бумажная кукла отвлекает заклинателей. Даже если все они поднимутся сюда — с ней им не совладать.

Потому что она вовсе не призрак недавно умершего человека. Она — свирепый дух, умерший около ста лет назад.

— Сяо Фэньюй — это твоё сценическое имя. Настоящее — Чжу Сяоюй. Ты родилась в эпоху расцвета женских актёрских трупп в Гуандуне. И умерла тогда же.

Расцвет этот пришёлся на начало Республики — время, когда в Гуандуне свирепствовали бандиты, а чиновники были с ними заодно.

— Откуда ты знаешь?

Байду, вот откуда.

Чэнь Ян и глазом не моргнул:

— Зная твоё имя, вычислить твою прошлую жизнь — задача для меня несложная.

Услышав это, «Хань Кэ» — нет, теперь уже следовало называть её Чжу Сяоюй — остановилась и с сомнением уставилась на Чэнь Яна. Определить всю её биографию только по имени? Перед ней, должно быть, великий мастер геомантии.

Тем более — на нём нет ни деревянной, ни нефритовой таблички заклинателя, и всё же он держится перед свирепым духом абсолютно спокойно. Разве обычный человек на такое способен?

Поразмыслив, Чжу Сяоюй решила всё-таки не терять бдительности.

— Ты мертва уже столько лет. Мир живых давно не тот, что ты знала, — продолжил Чэнь Ян. — Ты самовольно пытаешься захватить чужое тело и украсть чужую судьбу. Если об этом узнают посланники Подземного мира и поволокут тебя на суд в Шесть небесных дворцов Лофэна — восемнадцатый уровень ада покажется ещё лёгким наказанием.

На лице Чжу Сяоюй промелькнул явный страх, но тут же его затопили обида и ненависть.

— Я мертва почти сто лет! Каждый день я снова и снова переживаю муки своей смерти — и не могу переродиться! Мне был всего двадцать один год!! Я умерла страшной смертью — с меня содрали кожу и сделали из неё бумагу для рисования, заточив мою душу, чтобы я не могла переродиться! Моё тело бросили в чистом поле, засыпали землёй — ни света белого не видеть! Некому приносить подношения, а ещё и какой-то свежий покойник давит сверху! Что мне

оставалось?! Я не хочу больше страдать! Без подношений, без надгробия — я бесприютный призрак, вечная скиталица, которой не дано переродиться! Наконец-то у меня появился шанс снова стать человеком — и никто мне не помешает!!

Чжу Сяоюй была на грани безумия, её эмоции метались из стороны в сторону, и лицо Хань Кэ перекопилось в свирепой гримасе. Волосы взметнулись, и она бросилась на Чэнь Яна, вцепившись ему в горло.

Чэнь Ян едва увернулся, схватил портрет красавицы и замахнулся, делая вид, что сейчас разорвёт.

— Стой!!

Чжу Сяоюй замерла.

Если картину разорвать — её душа рассеется.

Разумеется, Чэнь Ян не собирался рвать портрет на самом деле: три души и семь духов Хань Кэ тоже были привязаны к нему.

Чжу Сяоюй взмолилась:

— Я всего лишь хочу переродиться. Я была бродячим призраком сто лет — ни крыши, ни укрытия, дождь, солнце, никто не принесёт подношений...

Она рыдала и причитала, голос надрывался от горя. Но в глазах Чэнь Яна не мелькнуло и тени жалости. Эти духи — мастера обмана, верить им нельзя. Да, Чжу Сяоюй и правда настрадалась: погибла молодой, после смерти с неё содрали кожу и сделали бумагу, чёрной магией заточили душу в вечных мучениях. Без подношений — значит, без тепла, без пищи, в промозглом холоде и голоде.

Но всё это не давало ей права убивать.

— Хочешь переродиться? — сказал Чэнь Ян. — Ты вполне могла бы запугать семью Хань. Когда они пригласили первую группу заклинателей, ты могла через них передать свои требования: попросить, чтобы поставили надгробие, совершали подношения, а заклинатели провели обряд упокоения твоей души. Но вместо этого ты прогнала всех заклинателей и собралась убить Хань Кэ. Только потому, что тебе приглянулась её судьба. Так что не надо строить из себя жертву.

Даже если при жизни Чжу Сяоюй действительно была жертвой — хотела бы честно переродиться, поступила бы так, как описал Чэнь Ян. Но она этого не сделала. Значит, ей просто хотелось заполнить редкостно счастливую судьбу Хань Кэ.

В конце концов, даже при перерождении нет гарантии, что родишься человеком. А если и родишься — неизвестно, какая достанется судьба: нищая, одинокая, увечная.

Поняв, что обмануть Чэнь Яна не удастся, Чжу Сяоюй оскалилась, разнесла дверь спальни и вылетела наружу.

— Пятьсот тысяч! — крикнул Чэнь Ян.

И бросился следом, пнув остатки двери. Стянул с запястья красный шнурок, натянул его обеими руками в линию — и древняя медная монета подпрыгнула на середину, зазвенев чистым металлическим звоном.

Чжу Сяоюй, похоже, панически боялась этой пропитанной ян-энергией монеты. Она отступила на несколько шагов и прижалась к стене, но, заметив картину, упавшую на кровать, метнулась к ней. Чэнь Ян швырнул красный шнурок — при соприкосновении с Чжу Сяоюй по нему пробежал слабый алый свет, и призрака едва не вышибло из тела Хань Кэ.

Увидев это, Чэнь Ян схватил картину и принялся хлестать ею Чжу Сяоюй.

Та заверещала от боли — и наконец её вышибло из тела окончательно.

Чэнь Ян подхватил обмякшую Хань Кэ, а Чжу Сяоюй, воспользовавшись моментом, метнулась из спальни — явно намереваясь устроить кровавую расправу.

— Мао Сяоли, удержи её! — крикнул Чэнь Ян.

Мао Сяоли как раз стояла на лестничной площадке и наблюдала за битвой внизу. Услышав крик, она ощутила ледящий холод за спиной — по телу прокатилась волна озноба. Лампа над головой замигала. Она резко обернулась — и увидела, как на неё летит нечто: тело без кожи, сплошное кровавое месиво, полосы сырого мяса.

Мао Сяоли инстинктивно выставила руки — и на ладони тут же попала скользкая, липкая смесь крови и сукровицы. Её чуть не вырвало. Она тут же выхватила персиковый меч и громовой талисман.

Молния и огонь — то, чего боится любая нечисть. Призрак отпустил Мао Сяоли и метнулся вниз, к заклинателям Ло и Люй.

Те как раз расправились с размалёванной бумажной куклой и только поняли, что их одурачили, — когда свирепый дух обрушился на них. Оба кинулись в разные стороны, увернувшись от первого удара.

Но за их спинами вперёд выскочил ученик заклинателя Ло — и призрак мгновенно вселился в него.

Глаза закатились, лицо исказилось в жуткой гримасе. Тело одеревенело, пятки приподнялись от пола.

— Одержимость?!

Заклинатель Люй занёс персиковый меч и талисман, нацелив в грудь мальчишке. Но заклинатель Ло перехватил его руку.

— Ты что, решил украсть мой заказ?!

— Какой к чёртовой матери заказ?! Это мой ученик!

— Раз уж в него вселилась нечисть — значит, он сейчас нечисть!

— Чушь! — рявкнул заклинатель Ло, но тут же был схвачен за горло собственным учеником. Хватка была нечеловечески сильной — не вырваться. Заклинатель Люй прилепил талисман к телу мальчика и начал читать заклинание.

Заклинатель Ло, едва вырвавшись, тут же сорвал талисман с ученика. И призрак снова взбесился.

Заклинатель Люй задохнулся от возмущения:

— Тебе не нужны пятьсот тысяч — мне нужны! Не мешай мне зарабатывать!

Чэнь Ян вышел, поддерживая еле живую Хань Кэ, и с первого взгляда оценил хаос внизу. Повернулся к Мао Сяоли:

— Что происходит?

— Одержимость, — Мао Сяоли кивнула на мальчишку. Потом добавила: — И гражданская война.

Супруги Хань внизу увидели дочь и рванулись к лестнице, но госпожа Хань споткнулась. Призрак был не глуп — понимал, что госпожа Хань является заказчицей, — и мгновенно вселился в неё.

Хань Цзяшань только помог жене подняться — и тут же она сомкнула руки на его горле.

Чэнь Ян передал Хань Кэ Мао Сяоли, сбежал по лестнице и обмотал красным шнурком руки госпожи Хань. Та вскрикнула и отдёргнула их.

Хань Цзяшань, хрипя, выдавил:

— Спасите мою жену.

Заклинатели Ло и Люй видели, как Чэнь Ян действовал. Взглянули на стоящую на лестничной площадке Хань Кэ — и наконец всё поняли.

Видимо, этот парень вовсе не самонадеянный юнец. Он и вправду знает своё дело и обладает редким талантом.

Судя по силе этого свирепого духа, его мастерству было лет пятьдесят — шестьдесят. Схватись они с ним один на один — потеряли бы часть собственной силы. А Чэнь Ян в одиночку выгнал призрака из Хань Кэ и ещё заставил нечисть, вселившуюся в госпожу Хань, испугаться. Несомненно — перед ними мастер.

В ремесле небесного заклинателя возраст — не мерило могущества. Мерило — талант.

— Спасите мою жену — я добавлю ещё двести тысяч, — сказал Хань Цзяшань.

Заклинатели Ло и Люй встрепенулись, но Чэнь Ян ответил:

— Не нужно. Пятисот тысяч достаточно.

И принялся хлестать госпожу Хань красным шнурком.

Все присутствующие заклинатели застыли с раскрытыми ртами. Никто не ожидал настолько прямолинейного подхода. Обычно, чтобы изгнать свирепого духа из чужого тела, либо ловят момент и зажимают средний палец, либо разворачивают полноценный ритуал на алтаре — морока ещё та.

А просто так отхлестать... Это же несерьёзно.

Но в следующую секунду у всех отвисли челюсти: из тела госпожи Хань и вправду вылетел ободраный призрак. Он попытался снова кинуться к Хань Кэ, но Мао Сяоли с коварной усмешкой выставила громовой талисман.

Тогда нечисть рванулась к Хань Цзяшаню. Заклинатели Люй и Ло заслонили его собой. Их она не боялась — свирепо набросилась. Но едва она оказалась рядом, как красный шнурок туго

обвил её и поволок назад. Чэнь Ян наступил ногой ей на голову, поднял руку в мудру и начал читать:

— Хэйди линшу, тяньпэн баофу. Линсин фэнхо, шаньцин мугу...

В тот же миг тучи заволокли луну. Земля замерла в абсолютной тишине. Мертвенный свет ламп мигнул раз, другой — и погас. Вилла погрузилась во тьму. Супруги Хань обмерли от страха, но не посмели издать ни звука.

Хань Кэ вцепилась в руку Мао Сяоли. Та включила фонарик на телефоне, обернулась — и увидела, что заклинатели Ло и Люй пялятся на неё в оцепенении.

— Чего смотрите? У вас телефонов нет, что ли?

Были.

Все достали телефоны и включили фонарики — стало значительно светлее. Чэнь Ян продолжал стремительно читать:

— ...Чжуцзян чицью. У чи чжэнлин... вэй во цюйчу. Цзицзи жу Бэйинь Сюаньтянь Фэнду-дади люйлин!

Последняя строка прозвучала для заклинателей громом среди ясного неба.

Это было заклинание призыва посланников Фэнду во имя Великого владыки Бэйинь Сюаньтянь Фэнду! Нужно понимать: одно лишь имя Фэнду в глазах заклинателей и любой нечисти было чем-то по-настоящему ужасающим. Страшнее самого Подземного мира.

В Шесть дворцов Лофэна обычным людям и добродетельным душам хода не было. Туда попадали только неисправимые злодеи. И судили там не только злых людей — но и злых духов, оборотней и порочных божеств. Можно сказать, это было судилище для всех злых существ во всех небесах и шести мирах.

Владыкой Шести дворцов Лофэна был Великий владыка Бэйинь Сюаньтянь Фэнду. Под его началом служили пять владык духов сторон света и семьдесят два судебных ведомства. Ему подчинялись восемнадцать уровней ада и все городские божества-чэнхуаны. Он был верховным даосским божеством, владыкой над всеми духами и призраками Поднебесной.

Призвать столь могущественное небесное божество не способен ни один заклинатель.

...Разумеется, Чэнь Ян и не собирался призывать самого Великого владыку Фэнду. Но и одно только призвание посланников из Шести дворцов Лофэна — дело потрясающее.

<http://bllate.org/book/17971/1726329>